

однако ж, они подавали примеры чистой нравственности и самоотвержения; они распоряжались доходами и обращали их часто в помощь бедным классам народа; этим упрочивалось не одно нравственное, но, можно сказать, материальное влияние духовенства на другие классы народа. При нашествии германцев народ обыкновенно волновался: но, собственно, он терял здесь немного. <Нельзя сказать, чтобы с самого начала не было ненависти против них, поднявшейся в высшем классе; но больших восстаний не было>. Восстание случалось только вследствие особенных утеснений или побуждений от духовенства, и в последнем случае восстание было не против германцев, но против ариан. Но каково было отношение германцев к высшим классам римлян, мы это увидим из письма Сидония Аполлинария.

Один из друзей Сидония, Катуллин, просил написать ему эпиграмму, чтобы петь ее на одной свадьбе. Сидоний, который не был еще тогда епископом¹³ и находился в Лионе, окруженном бургундами, отвечал ему небольшим письмом в 23 стихах: «Если бы и был я поэтом, зачем спрашивать у меня песни в честь праздника любви, у меня, окруженного длинноволосыми шайками, оглохшего от германских слов, приведенного в необходимость восхвалять с грустью на душе какую-нибудь песню обжорливого бургунда, который мажет свои волосы протухлым коровьим маслом? Нужно ли говорить тебе, почему невозможны для меня песни? Напуганная варварами, *Talia néglige les vers de six pieds depuis qu'elle voit des patrons de sept**¹⁴ (образцы в семь стоп). О! счастливы те уши, счастливы те глаза и тот нос, которые не чувствуют каждое утро дыхание человека десяти чесноком и подлым луком! О, блажен тот, кого не одолевают нахально в продолжение целого дня столько великанов и таких великанов, коих едва ли бы даже вместила кухня Алкиной, не одолевают с такой нецеремонностью, с какой входишь к старому мужу кормилицы своего отца! Но моя муза, попутив несколько в этих немногих эндекасиллябах¹⁵, из боязни, чтобы кто-либо не назвал их сатирою, умолкает и закрывает уста свои»¹⁶. Здесь он смотрит на материальную сторону германцев, смотрит с тем омерзением, как смотрели изнеженные галло-римляне. Но как были некоторые в высших классах на стороне германцев, так некоторые при всяком случае выражали к ним свое омерзение или свою глубокую ненависть. Также Сидоний писал к Филагрию: «Ты бежишь варваров, когда они являются злодеями, я убегаю их и тогда даже, когда они добры»¹⁷. Но в испорченном обществе галло-римлян нашлись и такие, которые образовали целый класс доносчиков пред германцами <на своих сограждан>, которые были страшнее и гибельнее для страны самих варваров. Об них находим мы целое письмо у Сидония (Ер. V, 7), адресованное к Тавмасту. Зато были меж-

* пренебрегает стихами шестистопными, с тех пор как она видит образцы семи (франц.).